

ГЕОПОЛИТИКА И БЕЗОПАСНОСТЬ

Военная политика Российской Федерации в области обеспечения международной информационной безопасности*

В НАСТОЯЩЕЕ время вследствие продолжающейся научно-технической революции в области информационных технологий происходят глубокие качественные изменения в направлениях развития вооружения и военной техники зарубежных государств. Одной из основных тенденций в этом процессе является ориентация на разработку различного рода средств информационного воздействия на противоборствующую сторону. В первую очередь к ним относятся постоянно совершенствуемые средства радиоэлектронной борьбы и психологических операций. Вместе с тем в последнее время внимание зарубежных военных специалистов приковано к перспективным средствам проведения так называемых *кибернетических атак* в информационных сетях.

В частности, в национальной военной стратегии США впервые применен новый военно-политический термин — «оружие массового воздействия» («weapons of mass effect»)¹. Принципиально важным в предложенной дефиниции является, во-первых, то, что данный вид оружия поставлен в один ряд с традиционными видами оружия массового поражения (weapons of mass destruction): химическим, биологическим и ядерным. Во-вторых, в качестве разновидностей «оружия массового воздействия» определены такие виды оружия, как оружие электромагнитных импульсов (electromagnetic pulse), оружие микроволн большой мощности (nigh powered microwave), а также другое «асимметричное» оружие. В качестве иллюстрации такой асимметричности приведен пример о том, что кибератаки на американские коммерческие информационные системы или на национальные транспортные сети могут иметь более серьезный экономический или психологический эффект, чем при применении по ним какого-либо иного традиционного вида оружия. Основными объектами поражения будут информационная инфраструктура и психика личного состава войск противника.

Близкие по смыслу положения содержатся в докладе национально-ро разведывательного сообщества США: «В последующие 15 лет растущий диапазон источников угроз, включая террористов, может привести к возможности физических и кибератак, направленных на разрушение механизма управления в узлах всемирной информационной инфраструктуры, в том числе в Интернете, сетях телекоммуникаций и компьютерных системах, которые управляют критическими промышленными процессами типа сетей электроснабжения, нефтеперерабатывающих заводов и т. п.»².

* В подготовке материалов статьи приняли участие Дылевский И.Н., Комов С.А., Коротков С.В., Родионов С.Н. и Федоров А.В.

¹ The National Military Strategy of the United States of America. A Strategy for Today; A Vision for Tomorrow, 2004.

² Mapping the Global Future. Report of the National Intelligence Council's: 2020 Project, December 2004.

Все это является логическим завершением определенного этапа в процессе осмысления военно-политическим руководством развитых стран того факта, что **на рубеже тысячелетий информационное пространство по праву заняло свою нишу наряду с сухопутным, морским, воздушным и космическим пространствами (сферами) ведения военных действий**. Материальную основу информационного пространства составляют такие элементы, как информационные инфраструктуры государств, СМИ, связь, космическая навигация, компьютерные сети типа Интернета и другие. Придавая большое значение роли глобальной информационной сети в решении военно-политических задач, руководство США всячески стремится сохранить и упрочить свое влияние в управлении Интернетом. Так, в конце октября 2005 года в ответ на международную инициативу о передаче управления Интернетом структурам Организации Объединенных Наций американский конгресс подтвердил, что оно было и останется в руках США, порекомендовав президенту Бушу придерживаться этой точки зрения.

Зарубежные военные эксперты считают, что, несмотря на виртуальность информационного пространства, завоевание и удержание информационного превосходства (по аналогии с превосходством на суше, на море, в воздухе и космосе) принесет весьма ощутимые материальные дивиденды тому, кто им владеет. Вот как оценивается роль информационных технологий бывшим председателем Комитета начальников штабов ВС США генералом Ричардом Майерсом: «Снижение эффективности сети ПВО противника путем манипулирования единицами и нолями может стать весьма изящным решением по сравнению с достижением того же результата при сбросе 2000-фунтовых бомб на его радиолокационные станции»³.

В современной войне **победу обеспечивает упреждающее завоевание информационного превосходства и лишь затем превосходства в той сфере, где ведутся военные действия**. Причем последних может и не быть вовсе. Все зависит от того, насколько эффективно решена задача завоевания превосходства в информационной сфере. Это связано с тем, что победа над противником по своей сути является *психологическим актом*. Более 2500 лет назад древнекитайский философ, военный мыслитель и стратег Сунь-Цзы в «Трактате о военном искусстве» говорил: «Одержать сотню побед в сотне сражений — это еще не предел искусства. Покорить противника без сражения — вот венец искусства»⁴. Капитуляция происходит в первую очередь в сознании военного командования, и лишь затем она принимает материальные формы. При умелом применении «оружия массового воздействия» такого результата можно достичь, не производя варварского физического разрушения экономики, финансов, транспорта и других инфраструктурных элементов народного хозяйства противостоящей стороны.

Безусловно, такой эффект в войнах и вооруженных конфликтах достигался и ранее. Однако сложившаяся в настоящее время ситуация качественно отличается от прежней. Сотни миллионов человек (целые страны и континенты) никогда ранее не были объединены *единым глобальным электронным информационным пространством*, делающим их беззащитными перед атакой «оружия массового воздействия». Кроме

³ «U.S. Plots Cyberwarfare Strategy»: www.metimes.com/2K/issue2000-2/net/us_plots_cyberwarfare.htm

⁴ Конрад Н. Сунь-Цзы // Трактат о военном искусстве. М.: Воениздат, 1950. С. 39.

того, большинство критически важных инфраструктурных систем также включены в это пространство, что позволяет инициировать техногенные, энергетические и финансовые катастрофы, создавать хаос и панику, чтобы в конечном счете все же поставить непокорного противника на колени.

Для реализации подобных доктринальных идей **ряд зарубежных государств проводит крупные организационные и международно-правовые мероприятия.**

В частности, в ВС США разработана и действует система руководящих документов, регламентирующих порядок подготовки и проведения информационных операций⁵. В дополнение к имеющимся мощным силам и средствам разведки, радиоэлектронной борьбы и психологических операций создаются спецподразделения для проведения массированных компьютерных атак на электронные системы по всему миру. По данным зарубежных источников, эта задача возложена на штаб стратегического командования ВС США на базе ВВС США Оффут в городе Омахе (штат Небраска). Головной структурой стратегического командования для выполнения задач по воздействию на зарубежные электронные системы является штаб поддержки сетевых ударов (Network Attack Support Staff), находящийся в штате Мэриленд⁶.

В международно-правовом плане американская дипломатия, с одной стороны, всячески **препятствует продвижению российской инициативы**, внесенной министром иностранных дел России в ООН (1988), по предотвращению использования информационного пространства в целях, несовместимых с укреплением мировой стабильности и всеобщего мира. Шесть лет подряд российская резолюция в ООН по этой проблеме принималась консенсусом. На заседании 60-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН, состоявшемся 8 декабря 2005 года, в поддержку нашей резолюции высказались 177 государств, против — только США⁷. С другой стороны, **создаются международно-правовые условия для проведения в информационном пространстве агрессивных безнаказанных действий**. В феврале 2003 года комиссией по защите критической инфраструктуры при президенте США была обнародована «Национальная стратегия защиты киберпространства», согласно которой США оставляют за собой право на превентивные действия в киберпространстве в отношении враждебных государств, в случае если их политика угрожает или в обозримом будущем может угрожать национальным интересам США⁸.

Можно констатировать, что **в настоящее время возникла и набирает силу новая военно-политическая угроза всеобщему миру и международной стабильности**. Она заключается в том, что ряд государств, обладающих значительным технологическим преимуществом, создают и включают в арсенал военно-политических средств принципиально новые виды «оружия массового воздействия», сопоставимые по последствиям применения с оружием массового поражения. При этом в целях внешнеполитической поддержки своих гегемонистских устремлений они стремятся создать благоприятные меж-

⁵ Department of Defense Directive (DODD) S-3600.1, «Information Operations», 21.12.1992; Joint Pub 3-13 «Joint Doctrine for Information Operations», 9 October 1998; FM 3-13 «Information operations: Doctrine, Tactics, Techniques and Procedures». 28 Nov 2003. SS FM 100-6.

⁶ В США создано спецподразделение для нейтрализации зарубежных СМИ. NEWS.ru. com 23. 11. 2005.

⁷ Документ ГА ООН A/RES/60/45 от 6. 01. 2006.

⁸ WWW. Whitehouse. gov/pcipb

дународно-правовые условия, исключающие введение каких-либо ограничений на разработку новых видов «оружия массового воздействия» и легитимирующих их скрытое применение в отношении любого государства мира как в мирное, так и в военное время.

В США и ряде стран Запада сегодня бытует мнение, что угроза «информационных войн», а главное, масштабность и последствия применения «информационного оружия» против государств, декларируемая экспертами России, Китая, Бразилии и других стран на различных международных форумах, сильно преувеличиваются. В начале XX века опасность разработок, связанных с ядерным оружием, также отвергалась, но опыт Хиросимы и Нагасаки продемонстрировал всему миру чудовищную мощь данного оружия. Сегодня настал момент, когда мировому сообществу, не дожидаясь подобных демонстраций силы (только уже с применением «информационного оружия»), необходимо приступить к широкому обсуждению данной проблемы. В настоящее время наиболее эффективным инструментом для организации таких дискуссий является ООН.

В этих условиях становится очевидной **необходимость активизации военной политики Российской Федерации в области обеспечения международной информационной безопасности**, направленной на достижение международно-правового регулирования международных отношений, возникающих в связи с разработкой, производством, принятием на вооружение, подготовкой и применением «информационного оружия»; предотвращение «информационных войн»; исключение нарушения мировой стабильности и создания военной угрозы безопасности отдельных государств и мирового сообщества в целом в информационной сфере; развитие международного военно-политического сотрудничества в сфере обеспечения информационной безопасности.

Основными задачами военной политики в области обеспечения международной информационной безопасности будут следующие: *сдерживание зарубежных государств от возможного применения против России средств и методов «информационной войны»; укрепление и развитие партнерских отношений в сфере обеспечения международной информационной безопасности с дружественными государствами, прежде всего в рамках ООН, союза с Республикой Беларусь, Организации договора о коллективной безопасности, Шанхайской организации сотрудничества, региональных организаций, включая ЕС, НАТО и другие, а также в формате двухсторонних встреч; создание условий для равноправного и безопасного международного информационного обмена на основе общепризнанных норм и принципов международного права; создание внешнеэкономических условий для свободного оборота систем и средств информационной безопасности, в том числе в рамках государственной политики военного и военно-технического сотрудничества.*

Военная политика в области международной информационной безопасности подчиняется действию внешнеполитических (последовательность, предсказуемость, взаимовыгодный прагматизм, сбалансированность) и специальных (целенаправленность, наступательность и нацеленность на опережение) **принципов подготовки и проведения внешнеполитических мероприятий.**

Субъекты военной политики в области обеспечения международной информационной безопасности, которыми являются Президент Российской Федерации — Верховный Главнокомандующий Вооруженными Силами Российской Федерации — и Правительство Россий-

ской Федерации, для достижения своих целей используют дипломатические, правовые, экономические, информационные, научно-технические и образовательные методы и средства. **Объектом военной политики** в этой области выступают международные отношения, возникающие по поводу разработки, производства, принятия на вооружение, подготовки и применения информационного оружия, а также члены международного сообщества, вступающие в эти отношения.

Под **механизмом реализации военной политики Российской Федерации в области обеспечения международной информационной безопасности** предлагается понимать деятельность органов государственной власти Российской Федерации, направленную на прогнозирование и оценку угроз международной информационной безопасности, а также информационной безопасности России; выработку и реализацию системы мер по обеспечению международной информационной безопасности; разработку и совершенствование нормативно-правовой базы, концептуальных положений и основных направлений обеспечения международной информационной безопасности; совершенствование и развитие международно-правовой системы обеспечения международной информационной безопасности; подготовку и проведение комплекса мероприятий внешнеполитического обеспечения; обобщение международного и национального опыта обеспечения международной информационной безопасности; предупреждение, выявление и пресечение правонарушений в мировой информационной сфере, а также при осуществлении судопроизводства по делам о преступлениях в этой области; развитие отечественной информационной инфраструктуры, индустрии телекоммуникационных и информационных средств, повышение их конкурентоспособности на внутреннем и внешнем рынках; организацию разработки международных и национальных программ обеспечения международной информационной безопасности и координацию работ по их реализации; проведение единой технической политики в области обеспечения международной информационной безопасности; организацию фундаментальных, поисковых и прикладных научных исследований в области обеспечения международной информационной безопасности; осуществление международного сотрудничества в сфере международной информационной безопасности; представление военно-политических интересов Российской Федерации в соответствующих международных организациях.

Военная политика в области обеспечения международной информационной безопасности должна реализовываться в рамках **государственной системы информационной безопасности Российской Федерации**.

Содержательная часть военной политики в области международной информационной безопасности должна включать широкую и долгосрочную программу практических действий по реализации ее основных положений, ориентированную на разработку и принятие взаимоприемлемого многостороннего международно-правового режима обеспечения международной информационной безопасности, в соответствии с которым государства и другие субъекты международного права несли бы международную ответственность за деятельность в информационном пространстве, осуществляемую непосредственно ими или отдельными физическими (юридическими) лицами с территорий (объектов), находящихся под их юрисдикцией или контролем.

Военная политика Российской Федерации в области обеспечения международной информационной безопасности должна в качестве одного из направлений ее реализации предусматривать развитие *системы международного публичного права*. Программа работ на этом направлении может включать: международно-правовую квалификацию понятий «информационная агрессия» и «информационное оружие», а также деление методов и средств ведения «информационной войны» на разрешенные и запрещенные; разработку и принятие всеобъемлющей конвенции в сфере обеспечения международной информационной безопасности (или договора о демилитаризации мирового информационного пространства, или дополнительного протокола к женеvским конвенциям), которая определяла бы нормы международного гуманитарного права, применяемые в вооруженных конфликтах; совершенствование системы коллективной безопасности государств на универсальной и региональной основах и осуществление государствами коллективных мер по предотвращению информационной агрессии, в том числе мер по укреплению доверия; развитие институтов и норм международной юридической ответственности за нарушения в сфере международной информационной безопасности в рамках Международного суда ООН и Международного уголовного суда.

Программа нормотворческой деятельности в сфере государственного права Российской Федерации должна ориентироваться на развитие политико-правовой концепции государственной политики, охватывающей в целом военные, криминальные и террористические аспекты проблемы обеспечения международной информационной безопасности.

В заключение следует отметить, что военная политика Российской Федерации в области обеспечения международной информационной безопасности является той частью внешней политики России, в реализацию которой объективно должны быть вовлечены все заинтересованные федеральные органы исполнительной власти, а также бизнессообщество и общественные организации.

О сущности понятий «военная угроза» и «военная опасность», их соотношении в системе военной безопасности России

*Полковник юстиции М.Ф. ГАЦКО,
кандидат философских наук*

ГАЦКО Михаил Федорович родился 21 июня 1961 года. Окончил Рижское высшее военно-политическое училище (1982), Военно-политическую академию (1991), адъюнктуру Военной академии им. Петра Великого (1997), юридический институт (2001).

Служил на различных должностях в юридической службе и органах воспитательной работы Министерства обороны СССР и РФ. С июня 1997 года — помощник начальника 4 Центрального научно-исследовательского института МО РФ по правовой работе. Действительный член Академии проблем безопасности, обороны и правопорядка, профессор Академии военных наук. Автор более 30 научных трудов.

СРЕДИ концептуальных вопросов военной безопасности Российской Федерации особое место занимает проблема соотношения военных угроз и опасностей. Вместе с тем, несмотря на то что исследование названной проблемы имеет принципиальное теоретическое и практическое значение, в настоящее время, к сожалению, еще нет общепризнанных научно разработанных и обоснованных таких ключевых понятий концепции безопасности, как «угроза» и «опасность», «вызов» и «риск». По данному вопросу на страницах журнала «Военная Мысль» уже высказывались военные ученые, в числе которых В.Л. Манилов, А.Ф. Клименко, Н.П. Клокотов, М.М. Касенков, В.П. Синецкий и другие¹.

Министр обороны Российской Федерации С.Б. Иванов в интервью еженедельнику «Итоги» также затронул проблему сущности понятия «угроза», заявив, что в последнее время его содержание сильно трансформировалось от классических чисто военных угроз к так называемым факторам неопределенности, под которыми в Министерстве обороны Российской Федерации сегодня понимаются ситуация, конфликт или процесс, «которые могут существенно изменить геополитическую обстановку в приоритетных для интересов России регионах

---

¹ Манилов В.Л. Угрозы национальной безопасности России// Военная Мысль. 1996. № 1. С. 7—17; Клименко А.Ф. Методика оценки военных угроз и меры по их нейтрализации// Военная Мысль. 1993. № 5. С. 26—34; Клокотов Н.П., Касенков М.М. Военная безопасность России: декларации и реалии// Военная Мысль. 1993. № 8. С. 20—21; Синецкий В.П. О понятийном аппарате общей теории безопасности// Военная Мысль. 1994. № 8. С. 55—60.

или создать прямую угрозу ее безопасности»². В этой связи представляется целесообразным продолжить изучение сущности понятий, подпадающих под «факторы неопределенности», и выяснить их соотношение в сфере военной безопасности.

Для уяснения сущности рассматриваемых понятий обратимся к их этимологии. С.И. Ожегов «угрозу» определял как «обещание причинить кому-нибудь вред, зло»³, В.И. Даль толковал «угрозу» как действия или намерения «угрожать, грозить, страшать, наводить опасность либо опасение, держать под страхом, под опаскою, пригрозивать»⁴. В словарях современного русского языка понятие «угроза» определяется как «запугивание, обещание причинить кому-нибудь неприятность, зло»⁵, «обещание причинить зло, неприятность»⁶, «намерение нанести физический, материальный или другой вред общественным интересам, а также отдельным лицам или их интересам»⁷. Таким образом, в обобщенном виде в русском языке под «угрозой» понимается явление, заключающее в себе намерение причинить кому-либо или чему-либо тот или иной ущерб, вред.

Несмотря на то что в ряде официальных документов говорится об угрозе безопасности Российской Федерации как о явлении, которое потенциально существует, а при определенных неблагоприятных условиях может стать реальностью и способно нанести ущерб государству, обществу, личности, ни в одном из них не содержится достаточно четкого определения сущности угроз безопасности. Например, в Законе Российской Федерации от 5 марта 1992 года № 2446-1 «О безопасности» (ст. 3) угроза определяется как «совокупность условий и факторов, создающих опасность жизненно важным интересам личности, общества и государства»⁸, что не отражает в полной мере сути рассматриваемого явления.

Определение угрозы может быть производным из содержащейся в законе «О безопасности» дефиниции «безопасность» — «состояние защищенности жизненно важных интересов государства, общества и личности от внутренних и внешних угроз». Именно такой подход предлагает в своих работах военный ученый В.С. Пирумов, трактуя понятие «угрозы» как «объективно существующие возможности нанести какой-либо ущерб личности, обществу, государству»⁹.

Однако данное определение, на наш взгляд, вряд ли можно признать достаточно точным и полным. Вторая его часть, касающаяся объектов угрозы и ее последствий (нанесение ущерба), представляется удачной, а вот первая, трактующая угрозу только как объективно существующие возможности нанесения ущерба, вызывает сомнения, поскольку кроме объективной возможности для реализации угрозы необходимо также наличие намерений (желания) одного из субъектов политики причинить ущерб тем или иным интересам другого субъекта политики, без этого угроза не будет реальной.

² Иванов С.Б. Мирное время: интервью журналу «Итоги»// Итоги. 2005. № 15 (461).

³ Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1990. С. 823.

⁴ Даль В.И. Толковый словарь. М.: Наука, 1955. Т. 4. С. 470.

⁵ Лопатин В.В., Лопатина Л.Е. Малый толковый словарь русского языка. М.: Русский язык, 1990. С. 622.

⁶ Словарь современного русского литературного языка. М.: Наука, 1964. С. 271.

⁷ Энциклопедический словарь правовых знаний. М.: Советская энциклопедия, 1965. С. 480.

⁸ О безопасности: Сборник законодательных и нормативных документов. М.: Буквица, 1998. С. 38.

⁹ Пирумов В.С. Некоторые аспекты методологии исследования проблем национальной безопасности России в современных условиях// Геополитика и безопасность. 1993. № 1. С. 12.

Рассмотрим несколько иной подход, предлагаемый авторами монографии «Концепция национальной безопасности России». Под угрозами безопасности они понимают потенциальные угрозы политическим, социальным, экономическим, военным, экологическим и иным, в том числе духовным и интеллектуальным, ценностям нации и государства¹⁰. Несмотря на то, что приведенное определение является достаточно широким и содержит перечень сфер безопасности объектов, на которые могут быть направлены угрозы, его также нельзя признать достаточно полным, поскольку речь идет об угрозах только лишь как о потенциальном явлении. Вместе с тем известно, что кроме потенциальных угроз существуют и вполне конкретные, реальные угрозы, о чем свидетельствуют многочисленные факты сегодняшнего дня (межнациональные конфликты, вооруженный экстремизм, криминализация общества и т. д.).

Очевидно, что приведенные выше формулировки угрозы безопасности не охватывают все стороны исследуемого явления и страдают половинчатостью: в одном случае угроза рассматривается только как реальное явление, во втором, наоборот, только как потенциальное явление.

Думается, что «угроза» представляет собой совокупность двух компонентов: как субъективных намерений, так и объективных возможностей причинить тот или иной ущерб. При этом в качестве намерений рассматриваются замыслы (желания) эвентуального противника, направленные против жизненно важных интересов государства, общества и личности, а под *возможностями* понимается наличие соответствующих сил и средств, необходимых для реализации этих замыслов.

Рассмотрев угрозу с точки зрения дихотомии намерений и возможностей причинить ущерб, мы еще не полностью раскрыли сущность рассматриваемого понятия «угроза», которое является сложным и имеет еще одно этимологическое значение: «возможная опасность»¹¹, «заключать в себе какую-либо опасность»¹². Отсюда следует, что понятие «угроза» близко по смыслу к понятию «опасность», причем они настолько взаимосвязаны, что даже С.И. Ожегов допускает в определенном смысле тавтологию, определяя угрозу через опасность и наоборот: «угроза есть возможная опасность»¹³, а «опасность есть возможность, угроза чего-нибудь очень плохого, какого-нибудь несчастья»¹⁴. Следовательно, необходимо конкретизировать указанные понятия, уточнить их содержание, определить суть общего и особенного. В военно-политической сфере понятия «опасность» и «угроза» используются достаточно широко, при этом нередко их употребляют в одном и том же значении. Строго очертить параметры каждого из этих понятий довольно сложно. Однако в настоящее время среди специалистов все шире утверждается мнение, что «угроза» — это крайняя степень опасности (непосредственная опасность), а «опасность» — есть возможная (потенциальная) угроза. Так, В.Л. Манилов предлагает трактовать понятие «угроза» через категорию «опасность»: *«угроза есть непосредственная опасность причинения ущерба жизненно важным национальным интересам и национальной безопасности, выходящая за локальные рамки и затрагивающая основные национальные ценности: суверенитет,*

¹⁰ Концепция национальной безопасности России. М.: Обозреватель, 1995. С. 81.

¹¹ Лопатин В.В., Лопатина Л.Е. Малый толковый словарь русского языка. С. 622.

¹² Словарь синонимов русского языка. Л.: Наука, 1975. С. 547.

¹³ Ожегов С.И. Словарь русского языка. С. 823.

¹⁴ Там же. С. 451.

государственность, территориальную целостность»¹⁵. При этом категорию «опасность» он рассматривает как нанесение ущерба важным национальным интересам и национальной безопасности в ограниченных (локальных) масштабах.

Таким образом, общим в содержании понятий «угроза» и «опасность» является их возможность причинить тот или иной ущерб безопасности. Каковы же отличительные критерии того и другого явления? Несмотря на их близость и однородность, можно выделить и ряд различий.

Первое — «угрозу» отличает от «опасности» степень готовности к причинению того или иного ущерба. «Угроза» — это стадия крайнего обострения противоречий, непосредственно предконфликтное состояние, когда налицо готовность одного из субъектов политики применить силу в отношении конкретного объекта для достижения своих политических или иных целей. Как отмечает В.А. Золотарев, «военная угроза — это определившееся намерение какого-либо государства (группы государств) развязать войну против другого государства (группы государств) или нанести ущерб его национальным интересам и суверенитету агрессивными действиями»¹⁶.

«Опасность» же включает в себе потенциальную угрозу причинения ущерба тем или иным интересам, для реализации которого необходимо создание соответствующих условий (накопление возможностей и формирование намерений).

Второе — «угроза» должна заключать в себе два компонента: намерения и возможность нанесения ущерба интересам безопасности, а «опасность» ограничивается наличием только одного из этих компонентов. Схематично данные различия могут быть сведены в табл. 1.

Таблица 1

Различия между «угрозой» и «опасностью»

Понятие	Компоненты		Готовность к нанесению ущерба
	Намерения	Возможность	
УГРОЗА	Есть	Есть	Реальная (явная)
	Нет	Есть	Гипотетическая (возможная)
ОПАСНОСТЬ	Есть	Нет	
	Нет	Нет	Мнимая

Третье — «угроза» всегда носит персонифицированный, конкретно-адресный характер, что предполагает наличие явных субъекта (источника) угрозы и объекта, на который направлено ее действие. В отличие от «угрозы» «опасность» содержит гипотетический, часто безадресный характер, ее субъект и объект явно не выражены.

Проанализировав существенные различия понятий «угроза» и «опасность», можно сделать вывод, что *угроза безопасности есть готовность (намерения и возможности) одного из субъектов политики причи-*

¹⁵ Манилов В.Л. Угрозы национальной безопасности России // Военная Мысль. 1996. № 1. С. 17.

¹⁶ Золотарев В.А. Военная безопасность Отечества (историко-правовое исследование). М.: Канон-пресс — Кучково поле, 1998. С. 41.

нить ущерб жизненно важным интересам другого субъекта политики с целью разрешения сложившихся между ними противоречий и получения односторонних преимуществ.

Поскольку наше внимание сосредоточено преимущественно на военно-политических аспектах, то представляется целесообразным рассмотреть **соотношение понятий «военная опасность» и «военная угроза»**. Раскрытие содержательного аспекта и соотношения этих понятий может быть плодотворным при использовании категории «военно-политические отношения», которые представляют собой отношения между субъектами политики (как внутри государства, так и на международной арене), относящиеся к области создания, развития и использования (реального или планируемого) военной силы¹⁷.

Если говорить конкретно о «военной опасности», то она представляет собой такой тип межгосударственных или внутривнутриполитических отношений, при котором существуют объективные возможности нанесения государству ущерба с помощью средств вооруженного насилия, но отсутствует в явном виде его субъект, т. е. агрессор. «Угроза» — это конкретный момент в развитии военной опасности, характеризующийся не только обострением военной опасности, но и обретением ею конкретного, адресного характера (угроза исходит из конкретного источника и адресована конкретному объекту). «Опасность» же может иметь общий, нередко безадресный характер, она может исходить из многих источников и воздействовать на многие объекты. По своей сути и «военная опасность», и «военная угроза» — это конкретные проявления реально существующих военно-политических отношений между государствами и их коалициями. Они являются показателями степени эскалации военно-политической напряженности, причем *«военная угроза» представляет собой более высокую степень эскалации напряженности, чем «военная опасность»: она возникает непосредственно из военной опасности, является итогом ее развития, т. е. обусловлена усилением военной опасности*. «Военная угроза» характеризуется конфронтационным характером военно-политических отношений между государствами и их стремлением разрешить сложившиеся противоречия военно-силовыми методами, в то время как «военная опасность» отличается значительным спадом напряженности, компромиссным состоянием военно-политических отношений между государствами.

Основными признаками «военной опасности» являются:

наличие в отношениях между субъектами политики экономических, политических, религиозно-этнических, идеологических и других противоречий, для разрешения которых может быть использована военная сила;

наличие у субъектов военно-политических отношений возможностей (материальной базы) для ведения военных действий;

признание субъектами военной политики возможности использования военной силы как средства достижения политических целей.

Эти же признаки характерны и для «военной угрозы», однако последняя как более высокая степень эскалации военно-политической напряженности имеет и свои ***особенные отличительные признаки:***

готовность (возможность плюс намерение) субъектов политики применить военную силу для разрешения возникших противоречий;

явная выраженность целей, субъекта и объекта вооруженного насилия (т. е. персонифицированность военной опасности).

¹⁷ Дмитриев А.П. Методологические основы общей теории безопасности// Общая теория безопасности: Учебное пособие. М.: ВАГШ, 1994. С. 19.

Следовательно, «военная угроза» подразумевает готовность одного из субъектов политики причинить ущерб жизненно важным интересам другого субъекта политики с использованием сил и средств вооруженного насилия для разрешения сложившихся между ними противоречий и получения односторонних преимуществ.

Поскольку при анализе содержания терминов «угроза» и «опасность» ясно видна их взаимосвязь, то можно говорить об их совокупности. При неблагоприятном стечении обстоятельств даже незначительная опасность в сфере национальной безопасности может трансформироваться в прямую и явную угрозу жизненно важным интересам государства. Значит, есть все основания констатировать, что *существуют не отдельно взятые угрозы и опасности, а имеет место система угроз безопасности, которая включает в себя совокупность всех угроз и опасностей*. При этом каждая объективно существующая опасность может рассматриваться в качестве потенциальной угрозы в том плане, что при определенных условиях она способна стать конкретной угрозой и нанести тот или иной реальный ущерб интересам государства, общества или личности.

Если рассматривать совокупность угроз и опасностей как систему, то возникает естественный вопрос: исчерпывается ли данная система только лишь выявленными угрозами и опасностями или существуют еще и другие, способные причинить ущерб интересам безопасности? Наряду с традиционными у нас терминами «угроза» и «опасность» возможно использование и таких категорий, как «вызов» и «риск», которые достаточно широко употребляются в стратегии национальной безопасности США (National security strategy). В американских официальных документах под *стратегией национальной безопасности* понимается наука и искусство использования национальной мощи при всех обстоятельствах в целях достижения желаемого уровня и вида контроля над противной стороной посредством угроз, грубой силы, косвенного давления, дипломатии и других возможных средств, которые обеспечивают защиту интересов и достижение целей национальной безопасности. При этом «угроза» (threat) рассматривается американскими специалистами как возможность какой-либо страны, группы государств или явлений угрожать; под «вызовом» (challenge) понимается возможность противодействовать, а «риск» (risk) определяется как возможность препятствовать достижению целей безопасности¹⁸.

Если допустить, что первично в ряду дестабилизирующих факторов — риск, вызов, опасность или угроза, то мы считаем, что первичен риск. Вызов, опасность и угроза есть различные степени риска причинения конкретного ущерба интересам безопасности государства, общества, личности, т. е. они выступают в качестве вторичных факторов. В русском языке термин «риск» употребляется в двух основных значениях: во-первых, как возможная опасность, неудача; во-вторых, действие наудачу в надежде на счастливый исход¹⁹. Обратим внимание на совпадение лексических значений терминов «угроза» и «риск»: налицо их полная идентичность (и «угроза», и «риск» трактуются как «возможная опасность»). Следовательно, совокупность факторов, представляющих вызов, опасность или угрозу безопасности государства, можно классифицировать в качестве факторов риска. При этом по степени нанесения возможного ущерба нацио-

¹⁸ Collins L. Grand Strategy, Principles and Practics. Annapolis, Mariland, 1973. P. 14.

¹⁹ О ж е г о в С.И. Словарь русского языка. С. 678.

нальным интересам и безопасности Российской Федерации *наименьший риск* представляют вызовы, *средний риск* заключен в опасностях и *значительный риск* исходит от угроз интересам безопасности. На этом основании, очевидно, нет смысла рассматривать понятие «риск» как отдельную начальную ступень процесса эскалации напряженности, поскольку риск отражает степень (размеры) причинения возможного ущерба тем или иным интересам от различных деструктивных факторов (вызов, опасность, угроза).

Рассмотрев содержание и взаимосвязь понятий «вызов», «опасность» и «угроза», перейдем к анализу их соотношения в системном ряду, который условно назовем шкалой эскалации военно-политической напряженности (табл. 2).

Таблица 2

Шкала эскалации военно-политической напряженности

Характеристики	ФАЗЫ ЭСКАЛАЦИИ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ			
	ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ВЫЗОВ	ВОЕННАЯ ОПАСНОСТЬ	ВОЕННАЯ УГРОЗА	ВООРУЖЕННАЯ БОРЬБА
Содержание	Стремление противодействовать осуществлению интересов национальной безопасности в военно-политической сфере	Вероятность нанесения гипотетического ущерба национальным интересами безопасности с применением вооруженного насилия	Готовность (намерение и возможность) причинить ущерб жизненно важным интересам и безопасности государства с применением вооруженного насилия	Реализованная угроза применения вооруженного насилия для достижения политических, военных и иных целей
Характер	Абстрактный, гипотетический, безадресный (отсутствие конкретного объекта и субъекта предполагаемого вооруженного насилия)		Конкретный, персонифицированный, адресный и направленный характер (наличие конкретных, явно выраженных целей, субъекта и объекта реального вооруженного насилия)	
Стадии риска	Зарождение причины возможного ущерба национальным интересам	Насыщение, вероятность причинения ущерба (прямого либо косвенного)	Высокая вероятность (готовность) к нанесению военными средствами ущерба жизненно важным интересам	Причинение прямого и явного ущерба жизненно важным интересам
Отношения между субъектами военно-политических отношений	Соперничество субъектов военно-политических отношений	Противодействие потенциальных (абстрактных) противников	Противостояние персонифицированных (конкретных) противников	Непосредственное вооруженное столкновение с реальным противником
Развитие противоречий между субъектами военно-политических отношений	Зарождение противоречий	Компромиссное разрешение существующих противоречий преимущественно невоенными методами	Готовность одного из субъектов военной политики открыто использовать вооруженные силы для разрешения противоречий	Разрешение противоречий методами вооруженного насилия
Противник	Абстрактный (потенциальный)		Конкретный (реальный)	
Свои вооруженные силы	Режим повседневной деятельности, подготовка к противодействию военным вызовам, потенциальным и реальным военным опасностям		Проведение мероприятий, адекватных военной угрозе	Вооруженная защита национальных интересов
Военно-политическая обстановка	Спокойная	Компромиссная	Конфронтационная (угрожаемый период)	Кризисная (вооруженный конфликт)

Военно-политический вызов является начальной фазой эскалации напряженности и проявляется в стремлении одной из сторон военно-политических отношений к противодействию другой стороне в осуществлении интересов национальной безопасности.

Следующая фаза — **военная опасность**, которая включает гипотетическую вероятность нанесения ущерба национальным интересам со стороны абстрактного противника. При наличии у конкретного субъекта политики (агрессора) реальных намерений и достаточных военно-экономических возможностей для нанесения ущерба конкретному объекту агрессии военно-политическая напряженность переходит в свою крайнюю фазу — **военную угрозу**, за которой следует либо реализация данной угрозы (т. е. **вооруженная борьба**), либо меры по снижению напряженности (переговоры, достижение компромиссных соглашений, разрядка напряженности).

Каждой конкретной фазе военно-политической напряженности присущи специфические отличительные характеристики. Отдельные характеристики рассматриваемых явлений совпадают, что свидетельствует о транспарентности их границ. Соотношению опасности и угрозы присущи определенные закономерности, которые подчинены действию диалектического закона перехода количественных изменений в качественные и выражаются в том, что при определенных количественных изменениях (формирование явных намерений и создание объективных возможностей для нанесения ущерба противнику) состояние опасности обретает качества непосредственной угрозы, в свою очередь угроза при накоплении соответствующих изменений (понижение степени риска, снижение напряженности, достижение компромисса и т. д.) переходит в состояние опасности.

При подробном рассмотрении соотношения угрозы и опасности возникает, на первый взгляд, парадоксальный вывод: *если угроза есть высшая степень опасности, то, следовательно, при снижении угрозы должна возрасти опасность.*

Проанализируем, действительно ли снижение угрозы влечет за собой возрастание опасности. Очевидно, что при снижении степени угрозы сама угроза как таковая полностью не исчезает, а трансформируется в свою потенциальную форму, содержание которой соответствует состоянию опасности. Таким образом, переход угроз в состояние опасностей приумножает количество последних, что подтверждается анализом объективных событий, произошедших в последние годы в мире. В результате завершения военно-политического противостояния Запада и Востока, реализации ряда международных соглашений о сокращении стратегических наступательных вооружений и других позитивных изменений, наступивших в мире с окончанием «холодной войны», непосредственная угроза глобальной войны с применением оружия массового поражения, безусловно, снижена, но в то же время резко возросло количество опасностей (рост региональной нестабильности, эскалация множества локальных войн и военных конфликтов низкой интенсивности, расползание опасных военных технологий и т. д.).

Как известно, вывод о снижении угрозы прямой агрессии против России при сохранении и возрастании военной опасности закреплен в Военной доктрине Российской Федерации: «В современных условиях угроза прямой военной агрессии в традиционных формах против Российской Федерации и ее союзников снижена...

Вместе с тем сохраняются, а на отдельных направлениях усиливаются потенциальные внешние и внутренние угрозы военной безопасности Российской Федерации и ее союзников»²⁰.

Аналогичный вывод содержится в докладе президента США «Стратегия национальной безопасности США», где, в частности, отмечается, что «основной вызов, существовавший на протяжении последних 50 лет, — угроза коммунистической экспансии — устранен. Спектр опасностей, с которыми мы сталкиваемся сегодня, более широк и разнообразен»²¹. Германский аналитик М. Штюрмер данную ситуацию выразил лаконично, одной фразой: «угроза снижается — опасность возрастает»²².

Таким образом, угрозы и опасности находятся в отношениях зависимости, которые при снижении уровня угрозы могут привести к возрастанию опасностей. Очевидно, что абсолютной безопасности, если ее рассматривать как состояние отсутствия всяких угроз и опасностей, быть не может, поскольку полностью изолировать государство, общество и его индивидуумов от негативного воздействия внешних и внутренних деструктивных факторов и обеспечить их бесконфликтное сосуществование просто нереально. Вместе с тем, повысить уровень их безопасности до уровня, гарантирующего ненасильственное их развитие и исключающего причинение неприемлемого ущерба, необходимо и возможно.

В этой связи представляется, что в числе мер военно-политического характера по минимизации потенциала угроз военной безопасности России важное место должно занимать строительство Вооруженных Сил и других федеральных силовых структур, способных к эффективному и гарантированному сдерживанию и нейтрализации всего спектра военных опасностей и угроз, как внешних, так и внутренних.

---

²⁰ Военная доктрина Российской Федерации // Собрание законодательства Российской Федерации от 24 апреля 2000 г., № 17. Ст. 1852.

²¹ Стратегия национальной безопасности США. Доклад президента США // НГ — сценарии: приложение к «Независимой газете». 1996. 23 мая.

²² Sturmer M. Die Deutschen in Europa // Europa Archiv. 1989. F. 24.

Человеческий фактор как основополагающий элемент военной мощи государства

*Капитан 1 ранга В.В. КИРИЛЛОВ,
доктор политических наук*

О ЧЕЛОВЕЧЕСКОМ факторе, ставку на который в середине 80-х годов прошлого столетия пыталась сделать наша страна, чтобы выйти из надвигающегося кризиса, написано и сказано достаточно много. Причем на всех уровнях. Сейчас, по прошествии почти что четверти века, вновь выдвигается вопрос о роли и месте человеческого фактора в обновлении нашего общества, укреплении обороны страны, решении целого ряда злободневных проблем. Почему? Потому что важнейшие задачи, поставленные недавно Президентом России В.В. Путиным в национальных проектах развития страны, невозможно решить, не задействовав человеческий фактор.

Президент это постоянно подчеркивает в общении с народом, во время ответов на вопросы в прямом эфире, беседуя с военнослужащими при посещении флотов, частей и различных организаций в стране. Вторит Верховному Главнокомандующему Вооруженными Силами РФ в своих выступлениях, приказах и директивах и министр обороны С.Б. Иванов. Так, он, в частности, отмечал, что командир — это не только тот, кто посылает солдат в бой. Командир — это прежде всего человек, который должен уметь выслушать подчиненного, понять его душевное состояние и поддержать в трудную минуту¹. В этом, как представляется, заключается основная идея возвращения к истокам правильного понимания роли и места человеческого фактора в структуре военной мощи государства, понимания, которое было у Петра I, А.В. Суворова, М.И. Кутузова, П.С. Нахимова, Ф.Ф. Ушакова, С.О. Макарова, М.В. Фрунзе, Г.К. Жукова и других наших выдающихся полководцев и флотоводцев, которые в военном служебном виде видели прежде всего человека, а потом уже солдата в сложнейшем военном организме.

Армиям государств, где ведущая роль в обеспечении военной мощи отводилась человеческому фактору, а не технике и оружию, какими бы грозными и мощными они ни были, как правило, всегда сопутствовал успех.

За примерами далеко ходить не надо. В истории только нашей страны их было предостаточно. И наоборот, там, где человек не был поставлен в центр внимания при создании и развитии военной мощи, происходили далеко не радостные события, связанные с

¹ Иванов С.Б. Армия новой эпохи// Красная звезда. 2004. 19 ноября.

распадом империй, разгромом государств, потерей суверенитета, поражением на полях сражений и т. п. Россия за свою многовековую историю неоднократно переживала подобное на разных этапах своего развития.

Например, при Иване Грозном жизнь человека, а особенно служивого, ничего не значила. Людские потери в боях никто не подсчитывал. При Петре I, пожалуй, *впервые речь пошла об отечественных военных кадрах*, их подготовке, необходимости ценить и беречь служивого человека. Но и при нем солдат зачастую не жалели. Содержание же войска вынуждало страну развивать внутреннюю жизнь государства, поднимать его экономику и сельское хозяйство, чтобы иметь больше материальных и финансовых средств для поддержания армии и флота на должном уровне. Петр I не успел в полном объеме решить эту сложнейшую задачу. Народные силы Российского государства при его царствовании так и не получили самостоятельного развития. Слабая крепостная экономика не могла обеспечить всем необходимым армию и флот, что заставляло их влачить нищенское, рабское существование. И это при том, что на содержание армии и флота на протяжении, например, XVIII–XX веков ежегодно тратилось от 40 до 70 % расходной части государственного бюджета (без войн и чрезвычайных расходов на военные программы).

Второй факт говорит о нерасчетливости высшего военного руководства страны при комплектовании армии. Ученые Военного университета МО РФ подсчитали, что в течение 100 лет (с 1700 по 1799 год) для комплектования армии было взято почти 2,3 млн рекрутов. Это составляло ежегодно почти 23 тыс. человек. Мужское же население страны в тот период увеличилось с 4 млн в 1711 году до 17 млн человек в 1799-м. В призывном же возрасте от 20 до 35 лет находилось в среднем не более 4 млн человек. Если считать ежегодный прирост населения в 2 %, то в таком случае окажется, что армия вырывала из самой дееспособной части населения каждый год около одной трети потенциальных работников². Уменьшая таким образом трудовую часть населения, а следовательно, производительную силу, армия с ростом численности требовала все больших расходов государства на свое содержание. В этом наглядно проявляется зависимость военной мощи от состояния человеческого фактора. Понимание данного неоспоримого факта далось нашей стране и ее руководителям, к сожалению, не сразу. *В обществе на протяжении многих веков преобладал тезис, что во имя надежной обороны государства мы готовы пойти на любые ограничения в жизни народа*. Такой подход в период военных реформ Петра I, по оценке известного ученого П.А. Сорокина, позволил критически говорить о проведенных преобразованиях. Петр I им был назван в одной из работ «мироедом, переевшим весь мир». По его мнению, трудно назвать другого человека, который причинил бы такой ущерб нашему населению. «Своими непрерывными войнами и весьма пышными с виду преобразованиями, из которых, однако, пользы для народной массы вышло очень мало, он погубил цвет «лучшего» населения России, не менее 30 % всего его мужского работоспособного населения»³. Автор не одинок в таких категорических оценках реформ Петра I. В начале XX столетия были опубликованы иссле-

² Военное законодательство Российской империи. М.: ВУ, 1996. С. 376–377.

³ Сорокин П.А. Влияние войны на состав населения, его свойства и общественную организацию// Экономист. 1922. № 1. С. 99–101.

дования П.Н. Милюкова о населении и государственном хозяйстве при Петре Великом. Исходя из данных петровских переписей и резолюций, автор пришел к довольно страшным выводам: податное население к 1710 году уменьшилось на 20 %, т. е. на одну пятую⁴. Были в истории нашей страны и другие примеры, которые подтверждают справедливость тезиса о том, что военная мощь государства во многом зависит от состояния важнейшего ее слагаемого — человеческого фактора.

Не случайно среди основных элементов военной мощи государства, о которой довольно подробно написано в журнале «Военная Мысль», нами назван человеческий фактор⁵. Это, пожалуй, самый сложный, но в то же время и главный ее элемент. *В зависимости от его состояния (в каждом конкретном случае) военная мощь при тех же силах и средствах может значительно возрасть или, наоборот, уменьшаться.*

Поэтому в настоящее время очень важно разобраться, что же понимается под термином «человеческий фактор», чтобы правильно использовать его для повышения обороноспособности России. В последнее время на это обстоятельство обращается очень серьезное внимание⁶. К сожалению, некоторые авторы вместо четкого, научно обоснованного определения человеческого фактора пытаются представить конгломерат различных подходов и прямо противоположных точек зрения, что крайне отрицательно сказывается не только на развитии отечественной науки, но и на всем современном оборонном строительстве. И хотя в обществе, научных кругах, в силовых и властных структурах страны, как представляется, многое видится и делается правильно при использовании человеческого фактора для решения сложнейших проблем, однако наблюдается излишняя осторожность, избыточная перестраховка при принятии решений, неуверенность в конечном результате и т. п. И это вместо того, чтобы как можно быстрее и с высокой степенью эффективности задействовать данный фактор для достижения поставленной цели.

Что же понимается под человеческим фактором? Почти 20 лет назад в нашей стране уже предпринимались попытки дать определение данному понятию. В частности отмечалось, что применительно к условиям армии и флота человеческий фактор представляет собой действие духовных и физических сил людей в сфере защиты Отечества, проявление идейно-политических, нравственно-психологических, эмоционально-волевых и физических качеств советских воинов и воинских коллективов⁷. Определение неплохое и по своему содержанию хорошо отражает сущность человеческого фактора. Вместе с тем надо признать, что оно несколько сужает рамки исследуемой проблемы, ограничивая человеческий фактор только личным составом армии и флота. Это не совсем верно в современных условиях, так как кроме Вооруженных Сил России вооруженной и иной защитой государства занимаются и другие войска. *Человеческий фактор не может быть только военным.* Точно так же, как не может быть только военной идеологии, если нет

⁴ Эйдельман Н. «Революция сверху» в России // Наука и жизнь. 1988. № 11. С. 116.

⁵ Военная Мысль. 2005. № 9. С. 6.

⁶ Военная Мысль. 2003. № 4; 2004. № 12; 2005. № 8.

⁷ Лизичев А.Д. Защита Отечества: человеческий фактор. М.: Воениздат, 1986. С. 28—29.

таковой государственной⁸. От состояния человеческого фактора в экономике страны во многом зависит ее экономическая, а следовательно, и военная мощь. Это обстоятельство следует также учитывать, как и уровень подготовленности к защите Отечества его граждан, их образованность, физическую выносливость, самоотверженность, героизм и т. п. Поэтому более правильным будет подход, отражающий реализацию человеческих возможностей при решении задач не только военной, но и в целом национальной безопасности страны. Можно сделать вывод о том, что **человеческий фактор** — это совокупность социальных, политических, нравственных и волевых качеств людей (человека), их духовных и физических сил, задействованных в данном конкретном случае и в определенное время для обеспечения военной и национальной безопасности личности, общества и государства.

Соответственно в структуре человеческого фактора можно выделить генезисную и функциональную стороны. В **генезисной** части человеческого фактора преобладают физический и духовный компоненты. **Физический компонент** включает биологические, физические, физиологические, психические возможности человека, его силу, характер, темперамент, выдержанность, дисциплинированность и т. п. **Духовный компонент** отражает индивидуальное и общественное сознание населения, его личностные потребности, интересы, убеждения, знания, мотивы, идеалы, навыки и умения. **Функциональная сторона** подразумевает отношение человека к Родине, своему делу, занятие общественно-полезной деятельностью, качество труда и военной службы, дисциплинированность и трудолюбие, инициативность и предприимчивость, самоотверженность и героизм. Эти компоненты человеческого фактора надо хорошо знать, чтобы умело использовать его огромные возможности для достижения различных задач. При этом надо помнить, что перекос в одном из компонентов неизбежно приведет к возникновению еще более сложных проблем.

Чтобы правильно понять роль и место человеческого фактора в структуре военной мощи государства, надо рассмотреть его *основныелагаемые*. В первую очередь, как представляется, следует обратить внимание на **генезисную сторону**, а затем уж и на **функциональную**. Почему? Потому что *генезисная сторона человеческого фактора распространяется практически на все наше общество, в то время как функциональная затрагивает лишь тот людской контингент, который задействован в реализации военной мощи*. Подтвердим данный тезис конкретным примером. Например, академик Э. Днепров считает, что в стране сейчас более 800 тыс. детей школьного возраста неграмотны, а более 3 млн вообще не учатся в школе⁹. Бывший министр образования (1990—1992) наверняка знает, что говорит. Теперь представим, как данная сторона человеческого фактора отразится на военной мощи, когда эта молодежь достигнет призывного возраста и придет служить в армию и на флот. К слову сказать, в США и НАТО практически 100 % военнослужащих срочной службы имеют высшее и среднее образование. Чтобы было совсем понятно, приведем еще несколько исторических фактов, подтверждающих необходимость учета данного явления.

⁸ Серебрянников В.В. Военная идеология государства// Военная Мысль. 2004. № 12. С. 2—3.

⁹ Днепров Э. Реформа против образования// Аргументы и факты. 2005. № 41. С. 6.

Во время Первой мировой войны средняя образованность российских воинов соответствовала 1—2 классам, тогда как немецких — 3—4 классам. Соотношение потерь было 2 : 1. Во Второй мировой войне образованность советских воинов в среднем составляла 3—4 класса, солдат вермахта — 6—7 классов. Соотношение боевых потерь при таком раскладе составляло 3,5:1¹⁰. Последующие события во Вьетнаме, Югославии, Афганистане и Ираке подтверждают существующую зависимость боевых потерь от уровня образованности воинов противостоящих армий, потерь не только личного состава, но и боевой техники.

По разным данным, наши войска в период с 1979 по 1989 год в Афганистане потеряли от 13 833 до 15 051 военнослужащего, 287 человек не вернулись из плена и числятся пропавшими без вести. Противостоящая сторона потеряла в сотни раз больше. То же самое в полной мере относится и к Ираку, где многонациональные силы, имея уровень образованности своих воинов 10 классов, нанесли сокрушительное поражение иракским войскам в 1991-м, а затем и в 2003 году, воины которых имели уровень подготовки порядка пяти-шести классов. Данных по последней военной операции США нет (не имеются в виду потери в результате партизанских действий), но вот по предыдущей войне (1991) под названием «Буря в пустыне» можно кое-какие выводы сделать. Потери многонациональных сил составили всего 166 человек убитыми, тогда как в армии Ирака — до 160 тыс. убитыми и ранеными, 150 тыс. пленными, свыше 1100 уничтоженных танков и бронемашин¹¹.

Это одна сторона исследования проблемы человеческого фактора. Но есть и другие, не менее значимые. Взять, например, хотя бы *такой духовный компонент генезисной стороны человеческого фактора, как индивидуальное и общественное сознание населения, в том числе воинов армии и флота*. В последние годы оно претерпело серьезные изменения, связанные со сменой общественно-политического строя в стране. Не видеть этого, не понимать, что сознание большинства граждан «повернулось на 180 градусов», значит обрекать себя на ошибки в теории и практике использования человеческого фактора. Совершенно прав В.В. Серебрянников, утверждающий, что армия и народ должны быть готовы к такой перестройке сознания¹². Но каким оно должно быть в современных условиях? Вот вопрос, который необходимо как можно скорее решить. Одно ясно, что *таким, каким оно было в предыдущие десятилетия, оно быть уже не может*. Выросло другое поколение, у которого совершенно иное сознание, чем было у их сверстников 20 лет назад, а тем более 60. На смену коллективизму пришел индивидуализм, нигилизм, пацифизм, лжетоварищество, духовные ценности уступили первенство материальным. Патриотизм, которым по праву всегда гордилась наша страна, подвержен значительной деформации, причем далеко не в лучшую сторону. Это обстоятельство также необходимо учитывать при анализе военной мощи РФ, чтобы не допустить досадных просчетов при определении ее уровня. Отечественная история показывает, что такие стратегические просчеты у нас уже были.

¹⁰ Кириленко Г.В. Забота о безопасности или... или о снижении безопасности// Коммунист Вооруженных Сил. 1990. № 11. С. 42.

¹¹ Проектор Д.М. Военная сила. М.: Воениздат, 1993. С. 68.

¹² Серебрянников В.В. Военная идеология государства// Военная Мысль. 2004. № 12. С. 7.

Во многом прав доктор философских наук В.В. Серебрянников, считающий, что Россия одерживала выдающиеся победы в конечном счете благодаря превосходству своих воинов¹³. Он прав и в том, что и в современных боевых действиях успех в решающей степени определяется высокими качествами человека-воина, применяющего сложное и могучее оружие. С одним утверждением автора данной статьи нельзя полностью согласиться, а именно — с переоценкой роли *принятого идеала воина*. Ведь идеал — это категория диалектическая. Следовательно, сегодня идеал может быть один, а завтра — уже совершенно другой. События последних лет в жизни России подтверждают справедливость данного вывода. Поэтому сейчас следует вести серьезный разговор не о штампе «идеал воина», а о человеческом факторе, который включает всю гамму человеческих качеств, реализуемых на практике.

В структуре человеческого фактора важное место занимает физиологический компонент. Качество человеческого фактора во многом зависит от состояния здоровья призывного контингента. Здоровье же нашей нации в настоящее время не вызывает оптимизма. Не случайно Президент России поставил наряду с другими задачу улучшения здравоохранения. Суть решения ее заключается в том, чтобы *тратить огромные средства не на лечение, а на предупреждение болезней*. Мощь нашей страны, в том числе и военная, значительно возрастет, если у нас будет меньше наркоманов, пьяниц, преступников, инвалидов, психически неуравновешенных людей. Такое возможно при условии, что люди осознают пагубность перечисленного. Помочь им в этом как раз и призвано государство, проявляющее заботу о своих гражданах и думающее о том, какие у него потенциальные защитники.

Почему в армиях развитых стран мира преступность среди военнослужащих значительно ниже, чем у нас? Как представляется, вовсе не потому, что многие из армий комплектуются на профессиональной основе, а потому, что там идет очень строгий отбор новобранцев по всем направлениям. У нас же пока преобладает остаточный принцип. Берем того, кто пришел. А приходят служить не всегда лучшие. В Вооруженные Силы порой идут служить те, кому нередко даже сомнительно доверять современную технику и дорогостоящее оружие. Наглядно это видно из характеристики призывников весны 2000 года¹⁴ (табл.).

К сожалению, нет данных о том, какой ущерб состоянию военной мощи наносится ежегодно в армии и на флоте из-за слабой подготовленности военнослужащих, но трагедия с АПЛ «Комсомолец» и «Курск», падения самолетов и вертолетов показывают, что от состояния человеческого фактора во многом зависит сбережение дорогостоящего оружия и материальной части.

Как же можно активизировать человеческий фактор, чтобы военная мощь государства Российского вновь обрела былую политическую и социальную значимость, стала более весомой и подвижной, менее затратной и агрессивной, внушающей гордость россиян за свою страну и обеспечивающей ее военную и национальную безопасность?

Мы считаем, что решить эту сложнейшую задачу современности можно в единстве двух ее сторон. Первая — на уровне всего госу-

¹³ Серебрянников В.В. Идеал воина// Военная Мысль. 2005. № 8. С. 49.

¹⁴ Колединов А. Смотрите, кто пришел...// Красная звезда. 2000. 15 авг.

Характеристика призывников весны 2000 года

Характеристика призывников	Процент призывников
Высшее образование	4
Среднее профессиональное образование (техникум)	18
Начальное профессиональное образование (ПТУ)	28
Среднее образование	27
Окончили менее 10 классов	23
Опыт трудовой деятельности:	
на производстве	39
в сельском хозяйстве	32
в сфере частного предпринимательства	12
Не имеют опыта трудовой деятельности	14
Не прошли допризывную подготовку по военно-учетной специальности	73
Задерживались до призыва милицией за различные правонарушения	20
Изредка употребляли до службы спиртное	77
Обходились без спиртного	16
Употребляли наркотики	21
Активно участвовали в подростковых драках	22

дарства, вторая — на уровне Вооруженных Сил. В рамках государства **человеческий фактор можно активизировать, используя следующие направления.**

Первое — проведение сильной социальной политики государства:

забота об условиях жизни и труда населения страны;
повышение уровня грамотности и культуры граждан России;
совершенствование национальных отношений;
преодоление огромного разрыва в доходах наших соотечественников;
предоставление малообеспеченным бесплатного жилья; охрана и укрепление здоровья людей.

Второе — осуществление хорошо продуманной экономической стратегии:

приобщение трудящихся к управлению предприятиями;
введение дифференцированной заработной платы;
развитие и поощрение творческой активности масс;
всемерное совершенствование отечественной науки, освоение и внедрение новейших технических разработок;
формирование у граждан сознания сопричастности к экономическим преобразованиям в России;
стимулирование качественного и эффективного труда.

Третье — развитие демократии и проведение воспитательной работы:

приобщение населения к участию в работе органов местного самоуправления;
формирование принципиально нового общественного и индивидуального сознания граждан, использование для этого возможностей средств массовой информации, церкви, патриотических общественных организаций;
всестороннее развитие качеств, характерных для современной гармонично развитой личности нового общества;
активизация борьбы с чуждыми для россиян взглядами на роль и место человека в обществе, его участие в вооруженной защите интересов государства.

Без решения этих проблем все хорошие начинания останутся на бумаге, а мощь государства не повысится, так как эти направления

являются своеобразными струнами, которые могут или хорошо прозвучать в руках опытного маэстро, или, наоборот, оборваться в самый неподходящий момент.

Что касается Вооруженных Сил, то на этом уровне активизация человеческого фактора может быть осуществлена, на наш взгляд, по следующим основным направлениям:

повышение профессионального мастерства военнослужащих всех категорий;

привлечение к службе физически развитых, здоровых, умных и грамотных юношей из различных социальных слоев общества;

обеспечение военнослужащих самой современной техникой и вооружением, достаточными материальными и финансовыми средствами, жильем, продуктами питания, обмундированием;

развитие инициативы и самостоятельности личного состава в решении различных задач военной службы;

привитие военнослужащим чувства гордости за службу в рядах Вооруженных Сил, формирование высокого патриотизма не на словах, а на деле, суть которого — служение Отечеству, а не отдельным лицам или политическим партиям;

повышение ответственности командных кадров за состояние боевой подготовки, укрепление воинской дисциплины и решение служебных задач с одновременным материальным и моральным вознаграждением;

приведение численности офицерского состава к уровню мировых стандартов, что позволит повысить престиж военной службы данной категории военнослужащих, освободив их от выполнения несвойственных им функций.

Каждое из названных направлений можно дополнить. Это сейчас непринципиально. Важно понять, что для современных Вооруженных Сил главное — реализовать человеческий фактор. Другими словами, нам сейчас надо найти такие пути и направления работы, чтобы *всемерно активизировать имеющиеся в каждом военнослужащем его духовные и физические силы, направив их на укрепление воинской дисциплины, повышение уровня боевого мастерства, решение задач мобилизационной и боевой готовности, качественное освоение и использование вверенной боевой техники и оружия.*

Реализация человеческого фактора позволит стране значительно повысить ее военную мощь без серьезных материальных и финансовых издержек. Дальнейшая же задержка с неопределенностью роли и места ЧелФ в структуре военной мощи государства способна привести к дальнейшему развитию в армии и на флоте негативных последствий. Как нам представляется, задача современной науки — дать научное видение существующей проблемы и показать пути ее решения. Дело же практиков принять или опровергнуть выводы ученых. В данном случае правы те, кто считает, что в спорах рождается истина.
